

A woman in a long, light green, high-collared dress stands with her back to the camera, looking out a large window. The window is framed by white lace curtains. Outside, a bright sunset or sunrise is visible over a body of water, with a city skyline featuring domes in the distance. The room is dimly lit, with warm light from the window casting long shadows on the wooden floor. To the left, a dark wooden bed with a white lace coverlet is partially visible. A small wooden table with a vase of white flowers and a candle holder sits next to the bed. A patterned rug is on the floor. The overall atmosphere is serene and nostalgic.

Комната с окнами на восток

В поисках прекрасного

В прекрасного Комната с окнами на восток

<https://litres.ru/74574469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Софья Ланская привыкла быть сильной: решать чужие проблемы, беречь близких, не жаловаться и никогда не просить о помощи. Когда долги семьи приводят её в старый загородный дом Алексея Вельского, она уверена, что справится и с новой работой, и с холодным хозяином, который живёт по строгим правилам.

Но в доме есть запертая комната с окнами на восток, тайна прошлого — и человек, который однажды замечает маленькую царапину на её руке.

«Комната с окнами на восток» — нежная история о праве быть не только сильной, о доме, который можно обрести в самом неожиданном месте, и о любви, не требующей жертвовать собой.

В поисках прекрасного Комната с окнами на восток

Глава 1

Комната с окнами на восток

Глава первая. Сильная

В то утро Софья проснулась раньше колокола.

Дом ещё молчал. За окном серело небо, и тонкая полоска света лежала на полу, точно кто-то осторожно приоткрыл дверь в новый день.

Софья смотрела на неё и считала минуты до того, как нужно будет встать.

Пять — чтобы вспомнить, что сегодня должны привезти дрова. Четыре — чтобы подумать, хватит ли денег расплатиться с прачкой. Три — чтобы решить, писать ли матери, что в комнате по вечерам холодно.

Конечно, не писать.

Мать и без того спрашивала в каждом письме: «Ты там не надрываешься, Сонечка?» А затем, в следующей строке, сообщала, что лекарства снова подорожали. Софья отвечала одинаково: «У меня всё хорошо».

Ей почти начинало казаться, что это правда, пока она не произносила эти слова вслух.

В дверь постучали.

— Софья Петровна? Простите, что так рано.

Софья поднялась, накинула шаль и открыла. На пороге стояла младшая горничная Дуня, ещё не успевшая поправить выбившуюся из косы прядь.

— Что случилось?

— У нас беда с восточной комнатой.

Дуня сказала это шёпотом, словно сама комната могла услышать.

Софья взяла со стула платье.

— Подождите за дверью. Сейчас приду.

— Вы не боитесь?

Софья хотела ответить привычное «нет», но вдруг почувствовала, как сильно не хочет снова говорить неправду. Она боялась многих вещей. Что мать не поправится. Что жалованья не хватит. Что однажды она остановится посреди дня — и уже не сумеет заставить себя идти дальше.

Но всего этого Дуне знать было ни к чему.

— Боюсь опоздать к завтраку, — сказала Софья и закрыла дверь.

Восточная комната находилась в конце коридора второго этажа. В доме её называли по-разному: детской, запертой, хозяйской. Софья пока не знала, какое название верное.

Ключ от неё хранился у Алексея Вельского, а распоряжение было простым: не входить.

Теперь дверь стояла приоткрытой.

Из комнаты тянуло холодом. Дуня остановилась в нескольких шагах позади, и Софья услышала, как она задержала дыхание.

У окна на полу лежали осколки стекла. За ночь ветер распахнул плохо закреплённую створку; она ударилась о стену и разбила вазу, стоявшую на подоконнике. Вода стекла на ковёр.

— Вот и всё? — Софья обернулась к Дуне.

— Я думала, там кто-то есть. Слышала, как стучит.

— Ветер.

Она произнесла это спокойно, хотя сама чувствовала себя незваной гостьей.

В комнате не было ничего пугающего. Небольшой письменный стол. Кресло у окна. Выцветшая лошадка с одним колёсиком. На спинке кровати — сложенное детское одеяло, слишком аккуратно лежащее для вещи, которой пользовались недавно.

Софья отвела взгляд.

Она не знала, кому принадлежала эта комната. И впервые за долгое время не захотела узнавать чужую тайну немедленно. Ей было достаточно увидеть, что она здесь есть.

— Принесите тряпки, — попросила она Дуню. — И позовите стекольщика. Скажите, я распорядилась.

— А хозяин?

— С хозяином я поговорю сама.

Алексей Вельский вошёл, когда Софья стояла у окна на коленях и собирала мелкие осколки в полотенце.

Она не слышала шагов. Только почувствовала, как изменился воздух за её спиной.

— Я просил не открывать эту дверь.

Голос был негромким. От этого Софье стало ещё труднее обернуться.

— Дверь открыл ветер. Я пришла после.

— Значит, следовало закрыть её и позвать меня.

Она поднялась. В руке остался последний осколок, маленький, почти прозрачный. Софья положила его к остальным.

— Тогда вода успела бы испортить пол.

— Это мой пол.

Она могла бы промолчать. В этом доме, как и во многих других, молчание женщины считалось признаком благоразумия. Но сил на благоразумие у Софьи с утра почти не осталось.

— Да, Алексей Андреевич. Поэтому я и стараюсь его сохранить.

Он посмотрел на мокрый ковёр, на разбитую вазу, на распахнутую створку. Затем подошёл к окну и закрыл его. Осторожно, придерживая раму ладонью.

— Вы поранились?

Вопрос застал её врасплох.

— Нет.

— Покажите руки.

Софья невольно убрала их за спину.

Алексей заметил это и чуть нахмурился.

— Я не собираюсь вас бранить за вазу.

— Вы уже браните меня за дверь.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом его взгляд опустился к её правой руке. На пальце выступила тонкая красная полоска.

— Дуня принесёт чистую ткань, — сказал он. — Стекольщика я вызову сам.

Софья кивнула. Ей хотелось уйти, пока он не заметил, что она дрожит — от холода или от усталости, она и сама не знала.

Но у двери Алексей вдруг произнёс:

— В следующий раз не берите разбитое стекло голыми руками.

Она обернулась.

Он стоял у окна, спиной к детской кровати, и смотрел не на неё, а на свет, который понемногу заполнял комнату.

— В следующий раз, — ответила Софья, — я возьму перчатки.

Ей показалось, что уголок его рта едва заметно дрогнул.

В коридоре она остановилась и посмотрела на поранен-

ный палец. Царапина была совсем маленькой. Почему же от простого «вы поранились?» ей вдруг так захотелось плакать?

Может быть, потому, что за последние месяцы у неё много раз спрашивали, успеет ли она, найдёт ли деньги, сможет ли помочь.

А больно ли ей — не спрашивал почти никто.